

Ф.Д. Подберёзкин

«Юрьевская дань» в посольских отчетах XVI в.

В статье рассматриваются два посольских отчета ливонских послов (1503, 1554) и отчет шведского посла Иоахима Бурвитца (1555) в связи с проблемой происхождения вопроса о «юрьевской дани» в русско-ливонских отношениях. Данные отчета 1503 г. позволяют утверждать, что «юрьевская дань» являлась конфликтным прецедентом в отношениях России и Ливонии еще до эскалации Ливонской войны в 1554–1558 гг. Из отчета 1554 г. следует, что дипломаты Ивана IV понимали «юрьевскую дань» как конкретную финансовую задолженность, которая возникла за 210 лет до переговоров 1554 г. Сообщение Иоахима Бурвитца подтверждает, что в 1554 г. Иван IV ставил ультиматум, а не требовал «исследовать» вопрос о дани.

Ключевые слова: «юрьевская дань», посольский отчет, Ливонская война, Иван IV, Иоахим Бурвитц, Ливония, Россия.

P.D. Podberezkin

«Tribute of Dorpat» in the diplomatic accounts of 16th century

The article considers two diplomatic accounts of the Livonian diplomats (1503, 1554) as well as the account of the Swedish diplomat Joachim Burwitz (1555) in regard to the issue of the «tribute of Dorpat» in the Russian-Livonian relations. According to the account of 1503, the «tribute of Dorpat» was a conflict precedent long before the escalation of the Livonian war in 1554–1558. Following the account of 1554, we can state, that the diplomats of Ivan IV perceived the «tribute of Dorpat» as a real monetary debt, which firstly occurred 210 years before the negotiations of 1554. The report of Joachim Burwitz confirms, that in 1554 Ivan IV gave out the ultimatum; he did not ask for a «research» of the issue.

Keywords: «tribute of Dorpat», diplomatic account, Livonian war, Ivan IV, Joachim Burwitz, Livonia, Russia.

После переговоров с представителями великих князей московских ливонские послы составляли письменные отчеты, где излагали ход переговоров. Отчеты представляют собой протокол, составители которого передавали детали дипломатических дискуссий для дальнейшего обсуждения в Ливонии. В силу данных обстоятельств посольские отчеты как документы внешнего делопроизводства обладают высокой степенью достоверности. Они позволяют выяснить, как ливонцы и представители великого князя московского понимали пункт о знаменитой «юрьевской дани» (легендарном налоге дерптских епископов в пользу великих князей московских), предлагают необходимые сведения для дальнейших исследований по проблеме происхождения «дани» [1]. Кроме отчетов ливонских послов большую ценность представляет сообщение посла шведского короля Густава I Вазы в Ливонии Иоахима Бурвитца (1555 г.), в котором подробно излагается ливонское видение проблемы «юрьевской дани» непосредственно после русско-ливонских переговоров 1554 г.

Важным источником является сообщение ливонских посланников Иоганна Хильдорпа и Клауса Хольтцеверса (Johann Hildorp, Claus Holtzevers) о путешествии в Литву и Москву для ведения переговоров о мире, завершавшим войну России с Великим княжеством Литовским и союзной ему Ливонской конфедерацией (конец января – 4 апреля 1503 г.). Во время переговоров возник вопрос о дани, которую «епископ Дерпта долгие годы не выплачивал» [2]. Ливонские послы пробовали пересмотреть пункт о дани при помощи посредничества послов великого князя литовского и короля польского Александра, однако попытка закончилась неудачно, и великий князь московский Иван III настоял на сохранении пункта о «юрьевской дани» [3]. Как видим, уже в начале XVI в. вопрос о дани вызывал острые дискуссии не только на уровне русско-ливонских отношений, но и в контексте отношений России с Великим княжеством Литовским.

Наиболее содержательным источником при исследовании вопроса о происхождении «юрьевской дани» является отчет о переговорах ливонских посланников с «князем» Алексеем Адашевым и с дьяком Иваном Висковатым 28 апреля – 1 июня 1554 г., изданный в первом выпуске «Копенгагенских актов, относящихся к русской истории» Ю.Н. Щербачёва в 1915 г. [4]. Во время переговоров в Москве 1554 г. вопрос о реальных платежах давно обещанной дани впервые стал определять характер отношений

между Россией и Ливонской конфедерацией. При изучении отчета необходимо выяснить, какие предыдущие мирные соглашения цитируются российской стороной; в каких правовых категориях формулировалось требование дани; «ключевые даты» «юрьевской дани» в русской версии; насколько достоверно отчет отражает ход переговоров.

Заметна разница в употреблении термина «мирный договор» / «перемирие» («friedbrief») участниками переговоров. В пересказе ливонских послов дьяк Иван Висковатый говорит о «friedbrief» всегда в единственном числе, подразумевая одно, конкретное перемирие (в перечислении требований российской стороны («zum ändern, das im friedbrief verfasst ist»), указании на перемирие 1474 г., заключенного «81 год назад» («und vor Ixxxj widerumb ufs new jn den fried brieff gesetzt sei»), конкретное крестоцелование с обязательством дани [5]). Ливонские послы начали с рассуждений о старых «перемириях» во множественном числе [6]. После того, как дьяк начал приводить цифры с указанием даты конкретного перемирия (1474), послы также оперировали одним перемирием [7]. Таким образом, главным основанием российской стороны был договор Пскова и Дерпта 1474 г., а не какие-либо другие соглашения до либо после этой даты. Вероятно, та «старина» («nach dem alten») «юрьевской дани», о которой говорили российские дипломаты, была основана на каком-то значимом событии в прошлом. Это подтверждается фразой дьяка о том, что дань не платилась всего 210 лет и была «вновь» («widerumb») включена в мирный договор «81 год назад». Однако единственным письменным подтверждением был относительно недавний договор 1474 г., который цитировался либо с оригинала, либо с письменного пересказа в «книге». Более современные договоры Пскова и Дерпта после 1474 г. не цитируются – вероятно, из-за того, что формулировка дани в них ничем не отличается от первоначальной. Отметим, что дьяк не ссылался на соглашение 1463 г., когда, по мнению ряда исследователей, «юрьевская дань» была впервые зафиксирована. Также в отчете не говорится о Ярославе Мудром, основании им Юрьева в 1030 г. и наложении дани. Эта история стала актуальной не ранее начала Ливонской войны (1558).

В отчете 1554 г. дословно переданы русские правовые выражения, относящиеся к «юрьевской дани»: «старые залого» («mit dem alten achterstendigen»), «по старине» («nach dem alten»), «по крестному целованию» («nach der kreutzkussung») [8]. Все они

встречаются в договоре 1474 г. Когда дьяк пересказывает историю заключения этого договора, то говорит о «старых залогах» («achterstendige»), которые ливонцы так и не выплатили [9]. Следовательно, известное выражение «старые залоги» в русских источниках о «юрьевской дани» следует понимать как конкретную финансовую задолженность.

Основным отличием отчета от других источников «юрьевской дани» является указание российской стороной точных цифр касательно происхождения дани, не допускающих символического толкования. Это слова о том, что «юрьевская дань» была вновь включена в текст договора «81 год назад» (1554–1474, с учетом мартовского стиля до 1492 г.), а также, что она не платилась «210 лет» [10].

В начале 1555 г. шведский король Густав I Ваза послал своего дипломата Иоахима Бурвитца в Ливонию. Сам Бурвитц происходил из Ливонии и был хорошо осведомлен о внутренних отношениях в конфедерации. Основной задачей посла было узнать об отношениях ливонцев с Москвой в обстановке войны России и Швеции (1554–1557 гг.). Маловероятно, что Иоахим Бурвитц «зондировал» возможности для военного союза Швеции и Ливонии против России [11].

В сообщении Бурвитц пишет о заключении русско-ливонского соглашения 1554 г. и называет требование «юрьевской дани» «необычным и невыносимым нововведением великого князя». Подробно излагается ливонская версия «медовой дани». В изложении Бурвитца она звучит так: «много лет назад» люди епископа заняли русскую землю у замка Нейгаузена, называемую Хонигвайде («Honnichweide» – медовые угодья). За пользование этой землей они должны были платить великому князю небольшой годовой налог – обязательство не выполнялось и вышла задолженность [12]. Налог был настолько малым («gantz geringe»), что предыдущие великие князья не обращали внимания на факт выплат. Однако они заботились о формальном включении пункта о дани «по старине» в русско-ливонские соглашения для поддержания своего величия в Ливонии («herligkeit»). Таким образом, до переговоров 1554 г. прошло около 80 лет, в течение которых дань ни разу не платилась [13].

Неожиданно во время переговоров представители Ивана IV потребовали дань. Бурвитц подчеркивает, что великий князь не хотел слушать об изначальном происхождении дани, а также малых размерах налога с Хонигвайде. Иван IV использовал некомпетентность

дерптских послов – ливонцы обладали только «памятью предков» и не могли противопоставить российской стороне письменных доказательств. В случае невыплат царь собирался сам взять дань («*so will ine der grosfürste zu gelegener zeith selbst holen*»). Чтобы вдохновить ливонцев на исполнение своих обязательств, великий князь приводит личный пример – он сам в свое время добросовестно платил дань татарскому хану [14].

Таким образом, сообщение Бурвитца о «юрьевской дани» резюмирует представления ливонцев о дани к началу 1555 г. Оно базируется на двух источниках – рассказах дерптских послов о переговорах 1554 г. и разысканиях о дани, проведенных дерптским епископом в конце 1554 – начале 1555 г. Ливонские послы рассказали Бурвитцу о дани как пункте «величия», который не выполнялся на протяжении 80 лет (о 80-летнем сроке послам поведал сам дьяк Иван Висковатый) – т.е., Бурвитц косвенно указал шведскому королю на договор Пскова и Дерпта 1474 г. Ливонцы лукавили, когда говорили Бурвитцу, что великий князь не хотел слышать про изначальные размеры и происхождение дани Хонигвайде – согласно отчету послов, ни о какой «медовой дани» в 1554 г. речи не было. Сомнительно, что царь приводил себя в пример как добросовестного плательщика дани татарам – насколько нам известно, данные сведения отсутствуют как в отчете 1554 г., так и в других источниках. Можно сказать, сообщение Бурвитца являлось попыткой ливонцев представить свою позицию королю Густаву Вазе в выгодном свете – выходило, что царь Иван IV спекулировал на ничтожном медовом налоге, чтобы обосновать свои планы захвата Ливонии.

Примечательно, что в июле 1555 г. Густав I Ваза в своем письме архиепископу рижскому Вильгельму назвал известным тот факт, что епископ дерптский «пообещал дань из-за тех разрушений, которые причинил епископству царь» [15]. Вероятно, шведский король так и не «вчитался» в ту подробную историю «юрьевской дани», которую рассказал Иоахим Бурвитц.

Итак, три посольских отчета, рассмотренные выше, содержатся дополняют друг друга. Согласно сообщению 1503 г., дерптский епископ «долгие годы» не выплачивал дань – таким образом, это свидетельство подтверждает сведения отчета 1554 г. об отсутствии прецедента платежа «дани» после 1474 г. Отчет ливонских послов 1554 г. хорошо отражает отсутствие последовательной позиции ливонцев по вопросу «юрьевской дани» накануне поездки к

царю – не случайно ливонцы говорили то о «мирных договорах», то о «мирном договоре», затем дали себя переубедить историческими аргументами. Достоверность изложения подкрепляется точным немецким переводом русских юридических терминов из договора 1474 г. Конкретные цифры «юрьевской дани» (81 год и 210 лет) могли быть переданы как для большей убедительности, так и для того, чтобы дерптский епископ смог провести исследование вопроса на материалах ливонских источников. На наш взгляд, эти данные позволяют выяснить хронологию «юрьевской дани» [16]. Сообщение Иоахима Бурвитца интересно в двух отношениях. Во-первых, прямо сказано, что царь собирался «придти за данью», если ее не «пошлют» – значит, пункт о том, что ливонцы должны «исследовать» вопрос о дани из немецкого варианта соглашения 1554 г., был все же понят в духе требования долга, а не постановки царем исследовательской задачи [17]. Во-вторых, Бурвитц косвенно отсылает к договору 1474 г. как первой письменной фиксации дани. Следовательно, ливонцы «приняли к сведению» прямое указание дьяка Висковатого в качестве обоснования российских претензий.

1. *Флююшкин А.И., Попов В.Е.* Русско-ливонские договоры 1554 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). С. 109–130 ; Шаскольский *И.П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // *Международные связи России до XVII в. : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: А.А. Зимин, В.Т. Пашуто. Москва, 1961. С. 376–399.*

2. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch: nebst Regesten: in 2 Abt., 12 und 3 Bd. / hrsg. von F.G. Bunge [u. and.]. Reval [u. and.] : Kluge und Ströhm [u. and.], 1853–2018. Abt. 2, bd. 2. 1905. S. 350 ; Gadebusch F.K.* Livländische Jahrbücher : in 4 th. Riga : J. F. Hartnack. 1780–1783. Th. 1 : Von 1030 bis 1561. Letzterer Abschnitt. 1780. S. 117–118.

3. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch ... S. 353.*

4. *Щербачёв Ю.Н.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории : в 2 вып. / Ю.Н. Щербачёв. Москва : Синод. тип., 1915. Вып. 1 (1326–1569). С. 23–38.

5. Там же. С. 25, 31, 36.

6. Там же. С. 31.

7. Там же. С. 35.

8. Там же. С. 25, 26, 35, 37, 38.

9. Там же. С. 36.

10. Там же. С. 31.

11. *Lenz W.* von. Joachim Burwitz' Bericht über Livland aus dem Jahre 1555 // *Zeitschrift für Ostforschung*. 1971. Bd. 20, Nr. 4. S. 708–729.

12. Там же. С. 721.

13. Там же. С. 721–722.

14. Там же. С. 722–723.

15. Herzog Albrecht von Preußen und Livland. Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten : in 7 th. / bearb. von S. Hartmann. Köln : Weimar : Wien : Böhlau, 1996–2008. Th. 4 : (1551–1557). 2005. С. 179.

16. *Подберёзкин Ф.Д.* Когда появилась «юрьевская дань»? // Петербургские славянские и балканские исследования. 2019. № 2. С. 181–194.

17. *Попов В.Е.* Ошибка переводчика. Как в Новгороде стартовала первая война России и Европы // Родина. 2009. № 9. С. 52–53.

УДК [01(47=57)Берков+02(476)Хлебцевич]:001.891

М.Б. Пожарицкий

Эвристические подходы в научной деятельности библиографа П.Н. Беркова и библиотековеда Е.И. Хлебцевича

Целью статьи является анализ эвристического метода в научных разработках библиографа П.Н. Беркова и библиотековеда Е.И. Хлебцевича, первый из которых заведомо употреблял термин «библиографическая эвристика». Второй – пользования эвристическим понятийным аппаратом избегал. Однако принципы и приемы его исследований также носили ярко выраженный эвристический характер. Поэтому оба деятеля представлены в статье как родоначальники эвристики в области библиографии и библиотековедения. Изложен постулат о востребованности их достижений на современном этапе развития информационно-документных коммуникаций.

Ключевые слова: П.Н. Берков, Е.И. Хлебцевич, методология эвристической педагогики, библиографическая эвристика, библиотековедческая эвристика.

М.В. Pazharytski

Heuristic approaches in researches of bibliography scientist P.N. Berkov and library scientist E.I. Khlebtsevich

The aim of the article is to analyze heuristic approach in researches of bibliography scientist P.N. Berkov and library scientist